

Александра Завалина

Семь ударов

Постучи семь раз и прими бой...

Александра Завалина

Семь ударов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58142963

SelfPub; 2023

Аннотация

17-летнюю Алину задерживают по подозрению в убийстве, которого она не совершала. Обстоятельства странные: запертая квартира, никаких следов и семь ударов ножом. Кто пишет на стенах? И почему все жертвы перед смертью получают испорченный файл? И самое главное – кто убийца? Или... что?

Содержание

Пролог. 5 сентября	5
7 сентября. Утро	7
7 сентября. Ночь	20
8 сентября. Утро	23
8 сентября. Позже	32
8 сентября. День	40
9 сентября. Утро	46
9 сентября. День	48
10 сентября. Утро	58
10 сентября. День	60
11 сентября. День	65
11 сентября. Ночь	68
11 сентября. Ночь	73
12 сентября. Утро	76
12 сентября. День	78
12 сентября. Ночь	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Александра Завалина

Семь ударов

Запись в дневнике: *«19 сентября. Меня зовут Алина Светлова, и я никогда в своей жизни не вела дневника. Наверное, я схожу с ума... Я убила человека. Я убиваю людей».*

Пролог. 5 сентября

Зеленый луг простирался насколько хватало глаз, а чистое небо растягивалось во весь горизонт безупречно голубым покрывалом. Я босыми ногами шагала по мягкой траве и вдруг уперлась в бумажную стену. Высокая, необъятная, она молчаливой громадиной встала между мной и тропинкой.

Свет померк, задул ветер и погнал по траве серую волну. Я поежилась и бросила взгляд на стену. Нужно уходить, возвращаться.

Р-р-р-р-рип!

Бумага порвалась, я дернулась, и на земле резко, как по щелчку, воцарилась тьма. По коже побежал мороз, и я обняла себя за плечи. Холодно...

Ничего не вижу! Господи! Я попятилась. Я *почувствовала*. Рядом со мной в темноте находилось что-то еще... что-то более холодное, чем воздух, и более черное, чем окружающий мрак. Что-то опасное и... голодное.

Я бросилась прочь. Я ничего не видела, но бежала что есть сил, а за мной гналось *оно*... Ужас ледяными цепями сковал мышцы, ноги превратились в мягкий пластилин, мне хотелось закричать, но я не могла.

Зажегся огонек. Теплый, успокаивающий, он мерцал впереди на уровне моих глаз, и я побежала быстрее. Передо

мною снова обозначилась бумажная стена, и в ней я увидела разрыв. Теплый огонек, словно маленькая лампочка, парил в этом разрыве. Не медля ни секунды, я подпрыгнула, схватила его и сжала кулак.

Огонек впитался в мою ладонь, и в это время страх исчез, а холод отступил – на их место пришли уверенность и защищенность. Я повернулась к темноте и увидела, что в моей руке светится меч. Я разделяюсь с ним! Я семь раз топнула ногой, приглашая на бой. И рванула в самый эпицентр тьмы...

Тинь-динь! Я открыла глаза и вдруг осознала, что нахожусь в своей постели, а рядом на тумбочке светится телефон. Я села и скривилась от резкой головной боли. Боже! Да что такое? Все из-за дурного сна! Очень странно, у меня давно *так* не болела голова...

В правой руке я ощущала приятное тепло, словно рукоять меча из сна все еще лежала в ней. Я взяла телефон с тумбочки и вспомнила, как во сне топнула ногой семь раз. Ухмыльнулась – какой бред! – и разблокировала телефон. Было два часа ночи, а в соцсети пришел анонимный подарок. От кого? Неясно. Я уставилась на изображение куклы с глазами-пуговицами и подумала, кто бы мог подарить мне такую чушь.

7 сентября. Утро

Солнце светило сквозь зелено-желтую листву, в парке чирикали птицы, а белки разбегались в разные стороны. Я мчалась что есть сил, рюкзак болтался и бил по спине, шнурок на ботинке мелькал под ногами, и я боялась наступить на него. Я опаздывала! Опять опаздывала в школу!

Выскочив из парка, я перебежала дорогу под возмущенные сигналы машин, спринтером промчалась по аллее и влетела в школьные ворота. Охранники пожурили за очередное опоздание, и я вихрем взлетела по ступенькам на второй этаж. В коридорах отдалось одинокое эхо.

– Светлова, – учительница покачала головой, едва я нарисовалась в дверях, запыхавшаяся и лохматая. Вспомнила, что даже не причесалась перед выходом.

– Извините, – пробормотала я и быстро оглядела класс. Все уже на месте, даже Рыжкова вон, главная двоечница, сидит у окна и злорадно ухмыляется мне, показывая поднятый вверх большой палец.

Учительница замерла, будто прислушивалась к спору между ангелом и демоном на своих плечах. В итоге она горестно вздохнула и кивнула в класс – так и быть, проходи. Я пригладила волосы, заправила их за уши и прошла к своей парте.

– Прости, – шепнула я, опускаясь рядом с подругой На-

стей.

– Ты не виновата, – прошептала Настя, не отрываясь от примера. – Что поделать, если опоздания вшиты в твоё ДНК.

– Мы можем доделать проект в большую перемену, – с облегчением выдохнула я. Настя не сердилась! Я и правда виновата: во-первых, вчера не пришла к ней делать этот несчастный проект, во-вторых, когда мы перенесли его на утро, я опоздала.

Настя – идеальная. Она аккуратная, носит глаженные длинные юбки и чистые бежевые свитера, а на её руках блестят многочисленные браслеты. Она всегда собрана, обязательно носит в школу все необходимые учебники, а тетради прячет в прозрачные обложки. Она никогда не опаздывает и никогда не забывает сделать домашнее задание. Она – из правильных людей, и я по сравнению с ней последняя раздолбайка.

Я быстро переписала пример с доски и быстро его решила. Знаю, я не очень старательная и уж точно не пунктуальная, но, к счастью, мозги меня не раз выручали. Если бы не они, была бы я двоечницей, как эта Рыжкова – вон сидит через ряд от меня, пыхтит, пытаюсь списать у своей соседки.

Я решила все примеры и уставилась на Настю. Настя продолжала старательно выводить цифры своим идеальным почерком, ногти, покрытые светло-розовым лаком, так и сверкали в свете солнца. Мне хотелось рассказать ей, почему я опоздала. Потому что за завтраком меня настигло сообще-

ние от моей лучшей подруги, Лизы, которая улетела в Америку. Она не писала уже два дня, а ведь она улетела на форум по киберспорту или что-то типа того. Но я промолчала. До звонка Настю лучше не трогать.

– Кстати, Алина, а что это значит? – вдруг шепотом спросила Настя.

– Что именно? – удивилась я.

– Вот это, – и она ручкой указала на мой кулак, которым я тихонько постукивала по парте. – Ты стучишь семь раз, потом прерываешься, потом снова стучишь семь раз. Это какое-то значение из азбуки Морзе?

Я перестала стучать по парте. В самом деле. А я и не заметила.

– Ты не первый раз так делаешь, – Настя вернулась к примеру. – Я заметила это вчера. Как будто ты нервничаешь.

А я не нервничала вовсе – я даже не замечала, что так делаю.

Настя неторопливо написала домашнее задание в дневник, и прозвучал звонок. Все с шумом и грохотом повалили в коридор, а я осталась рядом с Настей и быстро перерассказала ей то, что написала мне утром Лиза. Рюкзак уже висел у меня на плече, когда как Настя только укладывала вещи в свою сумку.

– Так здорово! – восхитилась Настя. – Лиза большая молодец, что попала на этот форум! А она рассказывала что-нибудь забавное? Она ведь всегда говорит что-то забавное.

Я вспомнила пару случаев, достала телефон и показала фотки.

– Вот здорово! – Настя улыбнулась. – Надо будет это нарисовать! Обязательно!

Настя – художник. Она популярна благодаря серии комиксов о нашей школе: об одноклассниках, учителях, мероприятиях. Она подмечает какие-то незначительные, но родные мелочи, зарисовывает ситуации и заливает комиксы в соцсети. Все в восторге – даже учителя. Ей хором пророчат великое будущее, а она скромно улыбается: мало кто знает, что «школьные зарисовки» нужны ей лишь для того, чтобы набить руку.

Мы доделали наш проект в перемену, болтая о том, о сем, но в основном – о Лизе. Хотя я общалась с Лизой больше, чем с Настей, втроем мы неплохо ладили и всегда узнавали друг у друга, как дела. Лиза не такая правильная, как Настя, но такая же классная – и с ней можно весело провести время, набрав в магазине вкусняшек и загрузив плэйстейшн.

Школьный день перетек в свободу, и я предвкушала прогулку с друзьями в парк, на новый головокружительный аттракцион. Все в один голос твердили, что там нереально страшно, что я испытаю все эмоции разом и больше ни разу туда не захочу. Но я не боялась аттракционов: чего их бояться, они ведь проверенные. Это тебе не скалолазом карабкаться в необорудованную гору, как мы с папой этим летом, пока мама стояла внизу и помирала за нас со страху.

Я вышла из кабинета и услышала какой-то шум. В холле происходила разборка. Я совсем не удивилась, увидев в центре внимания рыжие кудряшки нашей боевой мадам Рыжковой. Она стояла, гордо подняв голову, под ручку со своим приятелем-качком из одиннадцатого «Б» и уничтожала взглядом какую-то девочку. Я протолкалась через толпу и узнала ее – это была Маша Ножова из параллельного класса. Спокойная и тихая девочка, очень хорошая, насколько я могу судить по рассказам Насти – они раньше учились в одном классе, и Настя считала ее своей лучшей подругой. Машина сумка валялась у ног Рыжковой, и та еще и попинывала ее, держась за своего качка, как за фонарный столб.

– Вот так, – Рыжкова с наслаждением опустила башмак на сумку и хорошенько ее потоптала. – Больше не будешь глазеть на моего парня, крыса.

И я разозлилась. В первую очередь, конечно, на наглую Рыжкову, а во вторую – на Машу. Почему она позволяет втапывать в грязь себя и свою сумку? Почему ничего не скажет? Почему смиренно стоит, сложив ручки, и смотрит в пол, будто провинившиеся создание? И эти все – чего стоят, смотрят? Настолько боятся эту парочку?

– Эй! – я протолкалась вперед и встала рядом с Машей. – Ты что творишь?

– Воспитываю, – отозвалась Рыжкова и пнула сумку. – Погляди, а?

Друг-качок (не знаю, как его зовут) стоял с ней рядом,

словно верный пес, и взирал на происходящее с равнодушием ленивца. Они подходили друг другу: оба высокие, крепкие и прекрасно дополняющие друг друга. Она – вспыльчивая и наглая, он – равнодушный и послушный, готовый прописать в табло любому, на кого она укажет и крикнет «фас!»

Да, именно так – ей нужны были послушные, те, кто без раздумий сделают так, как она захочет. Уверена, в душе она считала себя опытным кукловодом.

– Да кто на твоего Емелю позарится, господи-боже, – фыркнула я, скользнув по ним уничтожающим взглядом.

Качок перестал равнодушно пялиться на меня, в его глазах зажглось что-то похожее на сознание, он открыл рот и выдал:

– Я не Емеля. – Подумал и добавил. – Крыса.

Рыжкова одобрительно кивнула и топнула на меня, как топают на мелких собачонок, которые, лая, бегут тебе навстречу на поводке у гламурных хозяек. Но я не была собачонкой, поэтому не отпрянула и заглянула ей в глаза, прямо в душу, как учила мама. Заметила:

– Лучше бы тебе извиниться, Рыжкова. Перед Машей.

Маша за моей спиной всхлипнула. Боже! Нашла когда реветь – реветь надо было раньше, но сейчас уже надо бы разозлиться и принять бой.

Мой взгляд упал на сумку Рыжковой, на которую та положила руку так, словно собиралась вытащить оружие. На всех замках, всюду, куда можно прицепить, болтались тряпичные

куклы-брелоки с глазами-бусинками. Какая безвкусица!

– Считаешь себя крутой, а, Светлова? – прошипела Рыжкова. – Думаешь, тебе все можно, раз ты богатенькая? – И она пренебрежительно оглядела меня с головы до ног, будто я вывалялась в грязи. – Все время выпендриваешься, тебе даже опаздывать позволяют...

– Хватит, – в толпе показалась Настя. Она подошла к нам, подняла сумку, отряхнула ее и обняла Машу за плечи. Та снова всхлипнула. – Хватит. Серьезно.

– А иначе что? – хмыкнула Рыжкова. – Ты нарисуешь меня страшилой в своем дурацком комиксе? Да кому он сдался!

Настя с достоинством промолчала, повесила Машину сумку себе на плечо и повела ее прочь. Я зашагала следом, бросив на Рыжкову уничтожающий взгляд. Но Рыжкова не готова была так просто сдаться, и нам вслед полетело ехидное:

– Ты зря стараешься! Твои каракули никому не сдались! И без денег тебе не поступить в универ, а вот богачка Светлова поступит и мигом отвернется от тебя!

Настя шла спокойно, не оборачиваясь и не сбиваясь с шага. А я не смогла. Я вернулась к Рыжковой. Та продолжала стоять посреди холла в окружении притихших зрителей, опираясь на своего «фонарного» качка.

– Не суди по себе, – сказала я. – Настя поступит, куда захочет, потому что талантлива. А вот ты...

– Да оставь ее, Алина! Серьезно! – крикнула Настя. Они с Машей уже стояли возле лестницы и собирались спуститься. – Пошли!

Я кивнула и развернулась. Сзади слышался судорожный вздох. Быстрые шаги. Я обернулась, но поздно: Рыжкова со всей мощи налетела на меня, и я упала на спину. Из меня вышибло дух, а Рыжкова дала мне хорошую пощечину. И еще одну. И еще. Я глотнула воздух, в ярости выдохнула, а потом схватила Рыжкову за плечи и толкнула. Рыжкова вцепилась мне в запястья и давай их выворачивать. Я вскрикнула, замолотила ногами.

– Это что здесь происходит?!

Завуч появилась как раз вовремя, и Рыжкова нехотя меня отпустила. Я встала, отряхнулась, потрогала руки. Испепелила ее взглядом. Виновато взглянула на завуча: та стояла, скрестив руки на груди, и грозно сверкала очками.

– Я напишу замечания вам обеим! И позвоню родителям! – пригрозила завуч.

Будто не слыша ее, Рыжкова прошипела:

– Вот видишь! Ты беспомощная, как червяк! И твои деньги тебе не помогут!

– Поговори еще у меня, Рыжкова, – погрозила завуч. – А ну вперед ко мне в кабинет! А вы все быстро по домам!

– Ты в порядке? – спросила Настя, когда мы шли вниз.

– Все в норме, спасибо, – отозвалась я, хотя щеки горели огнем. Посмотрела на Машу, которая шагала, так низко

опустив голову, что я побоялась, как бы она не свалилась. Спросила ради приличия. – Ты в порядке, Маша?

– Все хорошо, – прошептала Маша. В ее голосе послышались слезы.

Настя сочувственно погладила ее по спине и посмотрела на меня:

– Ты еще на тренировку?

– Ага.

После уроков я ходила на тренировку по легкой атлетике. Я не особо любила ее, но любила побеждать, а бегать у меня получалось неплохо. И после тренировки я чувствовала прилив сил, казалось, будто за спиной выросли крылья, которые могли унести тебя, куда захочешь.

Когда я, вспотевшая и уставшая, вернулась в раздевалку, то увидела на подоконнике тетрадь. На обложке было написано, что тетрадь принадлежит Ножовой Марии. Я рассеянно ее пролистала, увидела алгебраические формулы и закрыла. Похоже, Маша с расстройства ее оставила. Я вернула тетрадь на место и принялась переодеваться. Вспомнила, как Маша всхлипывала, и пожалела ее. Она не виновата, что такой родилась, как сказала бы Настя. Я взяла телефон и позвонила.

– Да? Что-то случилось? – спросила Настя.

– Слушай, скинь мне адрес Маши, – попросила я. – Она тут тетрадь забыла, как бы Рыжкова не увидела, а то навредничает. Вроде, Маша живет тут неподалеку, а я могу заско-

чить к ней.

Так я, прихватив тетрадку, поспешила прочь из школы. Маша и впрямь жила неподалеку – в обшарпанной пятиэтажке наискось от аллеи. Я помнила, что она живет где-то в этом районе, потому что Настя пару раз упоминала об этом. Сама я ни разу здесь не бывала, поэтому только с третьей попытки угадала правильный подъезд. Внутри было темно, а стены и перила измазаны чем-то липким. Стараясь не обращать на это внимания, я поднялась на третий этаж и позвонила. Звонok болтался на проводе и грозил замкнуть.

Дверь отворилась, и передо мной предстала испуганная Маша. Короткие мышинные волосы растрепаны, глаза распахнуты.

– Привет, – я улыбнулась как можно естественней. – Настя тебе звонила?

Маша кивнула, а я протянула ей тетрадь. Маша взяла ее и прошептала:

– Спасибо.

Я заметила, что она старалась как можно больше перегородить проход, чтобы я не увидела квартиру. Наверное, она стеснялась, но я даже отсюда видела, что квартира обставлена бедно, а стены в ней – серые от пятен. Я слегка оробела. Я не брезгливая, вовсе нет, но мне становилось не по себе, когда передо мной пасовали только потому, что я выросла в богатой семье.

Мой взгляд упал на дверь, которую я придерживала, и я

увидела, что замок на ней тоже болтается. Боже, как они закрываются?! Вот прямо вот так? Неужели не страшно? А вдруг кто дернет?.. Я вдруг осознала, что постукиваю пальцами по этой самой двери. И точно: быстро семь раз – пауза – быстро семь раз – опять пауза. Раньше я не замечала за собой такой привычки.

– Ну, я пошла, – я неловко развернулась.

– Спасибо, – повторила мне в спину Маша, и дверь закрылась. Замочного щелчка я не услышала.

Вернувшись домой, я испытала удовлетворение, смешанное с жалостью. Мне было жаль Машу и ее семью, их бедность, но в то же время я чувствовала благодарность за то, что живу лучше. У нас собственный дом в частном секторе. Он, как и все дома вокруг, обнесен высоким забором, на территории зеленеет лужайка и растут деревья. А внутри так много места, что можно пригласить полшколы и закатить вечеринку.

И замОк. У нас отличная система безопасности. Не знаю, смогла бы я спокойно спать, если бы у нас был единственный замок, и он бесполезно болтался.

Пришло сообщение от Насти: «Отдала Маше тетрадь?»

«Да, все в порядке», – напечатала я, хотя чувствовала обратное.

Я уселась на широкий подоконник и посмотрела на улицу. Окно выходило на лужайку и деревья, которые красиво подсвечивались вечерним солнцем. Тишина и спокойствие.

Тогда почему у меня на душе кошки скребут? Что, вышла из душевного равновесия, потому что увидела, как живут другие? Никогда не считала себя хрустальной принцессой или принцессой на горошине, но, похоже, я та еще неженка.

Эта мысль мне не понравилась, заболела голова. Вообще-то последние несколько дней она болела всегда, но иногда становилась сильнее, иногда – ослабевала. Я гадала о причинах. Потому что я в выпускном классе и не определилась с профессией? Потому что я слишком много думаю о вещах, о которых думать не стоит?

И не помогало ничего: ни обезболивающие, ни холодный душ, ни тренировки и прогулки на свежем воздухе. Очень странно, у меня никогда не было таких продолжительных головных болей.

В дверь постучались, и вошла мама. Похоже, она только вернулась с работы: на ней был деловой серый костюм в узкую полоску, а каштановые волосы растрепались от ветра. Увидев это, я принялась машинально приглаживать свои собственные. Мои волосы слегка завивались, а мамины были идеально гладкие, и иногда по утрам я ей завидовала.

– Ты какая-то бледная, – вместо приветствия сказала мама. – Что-то случилось?

– Голова болит, – пробормотала я.

Мама с беспокойством потрогала мой лоб и спросила:

– Может, завтра пропустишь школу и сходишь к врачу?

– Ерунда, – отмахнулась я и рассмеялась. – Это организм

никак не хочет принять осень, вот и все!

– Да, возможно, – мама несколько раз кивнула. – Здесь душно и много выхлопов. После горного воздуха дышать всем этим... – Она покачала головой. – Ладно. Открой хотя бы окно.

– Все нормально, – я спрыгнула с подоконника. – Сейчас схожу в душ, и все пройдет. Когда приедет папа? Что будем готовить?

Уже в душе под шумом воды я с горечью и облегчением подумала, какая же мы счастливая семья, раз беспокоимся о таких вещах, как головная боль. Вспомнила обшарпанные стены квартиры Маши и темноту подъезда и передернула плечами. В таких условиях на такую мелочь даже не обратишь внимания.

7 сентября. Ночь

Маша Ножова чувствовала себя скверно. Так происходило всегда, когда кто-то из «крутых» ребят задирает ее. А задирать ее было легко – она не могла ни ответить, ни дать сдачи.

Мама уже легла спать, а Маша все сидела и читала. Пыталась читать. Но перед глазами проносились все те унижения, которые с ней когда-либо случались – и не только сегодня, когда ее сумку елозили по полу и пинали. Маша не заметила, как по щекам заструились слезы. Из книги она не поняла ни строчки.

«Почему я такая? – взвыла она. – Почему не могу постоять за себя, как вон Светлова или Настя? Почему я терплю это все?!»

При воспоминании о Светловой, ее решительной походки и стального взгляда, каким она одарила Рыжкову, Маша ощутила зависть. За завистью хлынул стыд, потому что Светлова приходила *прямо сюда*, и видела, в каком старом, изношенном доме она живет. Наверняка, шагая по грязным ступеням, она морщила нос и радовалась, что живет не в таком месте. Подумав об этом, Маша решила, что Светлова скорее ей не нравится, чем нравится – несмотря даже на то, что так любезно принесла тетрадь. И зачем? Пожалела ее? «Ну да, я же такая жалкая»...

Слезы капали на страницы, на которых герои дерзили, сражались и неизменно одерживали верх над своими мучителями. Даже самые слабые и безвольные в конце концов превращались в бесстрашных персонажей и делали то, что раньше было не по плечу. В глубине души Маша надеялась, что однажды станет такой, как они, победит свой характер и тех, кто ее унижал. Но как это случится, она представляла себе весьма смутно.

«Так, все хватит, – Маша попыталась вытереть слезы, но они текли и текли. – Даже наедине с собой ты слабачка! Жалкая и сопливая слабачка! Даже разозлиться нормально не можешь, реवेशь, как корова!» Но тщетно. Она не разозлилась. Ей стало еще больше себя жаль. Она заплакала.

Пиликнул телефон. Маша размазала по лицу слезы и заблокировала его. Мигал значок почты. Ерунда! Опять какой-нибудь спам...

Так и есть. Ерунда какая-то. Она автоматически ткнула по непрочитанному письму и увидела какие-то странные символы, словно телефон не успел расшифровать код да так и завис. Файл, который ей прислали, тоже был помечен этими символами. И у файла был странный формат.

Обычно, когда тебе приходит файл, ты сразу можешь определить, что внутри: текст, картинка или еще что-то. Но здесь... Что такое – это `wst8`

Маша даже плакать прекратила из-за любопытства. Рыжкова и другие плохие ребята отошли на второй план. Она на-

жала на файл и тут же об этом пожалела. Экран мигнул, погас, пошел ядовито-зелеными полосками... и снова вернулся в норму. На экране белел тот самый файл с названием на неизвестном языке. Нераскрытый.

«Вот блин... – расстроилась Маша. – Сейчас еще вирус подхвачу. А ведь у мамы нет денег на новый телефон».

Она удалила письмо и заблокировала телефон. Взглянула на раскрытую книгу с пятнами слез на странице. Вздохнула. Наверное, лучше пойти спать.

Только она откинула одеяло, как в ее комнату постучались. «Наверное, мама, – со сжавшимся сердцем подумала Маша. – Услышала, как я плачу». Она открыла ей.

Но там стояла не мама. Маша в ужасе попятилась, сжимая телефон. На ум пришла дурацкая мысль: в этой жизни ей никогда не стать героем.

Она просто не успеет.

8 сентября. Утро

– Вставай, доченька, вставай, милая...

Я что-то пробормотала и перевернулась на другой бок. Я все еще хотела спать. Как здорово спать, когда не болит голова...

– Доченька, ну же, вставай...

Мама звучит иначе, и сон начинает сходить с меня. В ее голосе столько беспокойства и чего-то еще непонятного, темного... да и когда она в последний раз называла меня «доченькой»? И когда в последний раз приходила утром, чтобы разбудить?

– Я что, опять опаздываю в школу? – пробормотала я, разлепляя глаза.

Мама в костюме, значит, уезжает на работу. Значит, мне можно еще часок поспать. Но почему она меня будит? Я сажусь на кровати и протираю глаза. Смотрю на маму. И вдруг вижу, что в ее глазах блестят слезы.

– Что? Что случилось? – спросила я, скидывая остатки сна.

– Давай, милая, вставай, причесывайся, только очень быстро, – попросила мама. Ее голос звучал так, будто она чувствовала вину.

– Что происходит? – я спустила ноги с кровати, нащупала ими тапочки.

– За тобой пришли, – сообщила мама, и я услышала в ее голосе слезы, что случилось очень, очень редко. – Давай же, милая, доченька, ты должна поторопиться!

Я ощутила, как холодные щупальца страха проникают в грудную клетку, и спросила:

– Кто за мной пришел? – голос как будто не мой.

– Полиция, милая, – выдохнула мама. – Давай же, одевайся, доченька.

Я разозлилась. Да чего она все, как попугай, повторяет эти «милая» и «доченька»?! Забыла, как меня зовут? И чего плачет и никак не объяснит, что, черт возьми, происходит?!

– Полиция хочет тебя допросить, – прошептала мама, пока я в ярости натягивала джинсы и драла волосы расческой. – На счет одного случая... Но ты ведь не совершала ничего ужасного, да, милая?

Опять она со своей «милой»! Я надела рубашку, застегнулась как попало, заправила ее в джинсы. Примерно представляю. Рыжкова! Я знаю – это Рыжкова! Наговорила вчера завучу чего попало, потом директрисе небылиц наплела... Не удивлюсь, если она специально сломала себе руку, чтобы потом обвинить в этом меня. Ладно, окей, но почему в такую рань? Полицейские разве не должны явиться в школу и оттуда меня забрать?

– А позавтракать мне не дадут? – почти с вызовом обратилась я к маме.

– Позавтракаем в кафе, после допроса, – прошептала ма-

ма.

Допроса? Меня еще допрашивать будут? Вот это Рыжкова, вот это уровень! Может, связями в полиции обзавелась?

В гостиной нашего дома сидело двое хмурых полицейских в серой форме. Перед ними стоял кофе, но они не притронулись к нему. Когда мы с мамой спустились, они поднялись, окружили нас и повели прочь из дома.

Один из полицейских сел за руль служебной машины с мигалками, второй остался в нашем дворе. Что за показуха? И почему нас везут в участок, будто я какая-то преступница? И почему один из них остался там, в незапертом доме?

Нас привезли в участок, и полицейский вцепился мне в локоть. Не будь его хватка так крепка, можно было бы представить, что мы на романтической прогулке. Но нет – полицейский с мордой кирпичом затащил меня в здание, провел по коридорам и усадил в какой-то комнатке. Судя по многочисленным мебели и журналам, это была комната ожидания. У меня отобрали телефон и рюкзак. Маму в это время отделили от меня и повели куда-то в другое место.

И вдруг мне стало страшно. А точно ли это связано с Рыжковой и ее сломанной рукой? Все выглядит так серьезно...

Не знаю, сколько я сидела в этой комнате. Я слышала, как где-то тикают часы, но не видела самих часов. Сколько сейчас времени? Почему никто до сих пор сюда не пришел?

И вот, спустя какое-то время, появился полицейский. Тот самый, с мордой кирпичом. Он перевел меня в комнатку, в

которой, кроме стола и стульев больше ничего не было. А вот и комната для допроса. Маленькая, неприметная, обшарпанная. У стены расположилась небольшая скамейка, и на ней я увидела маму. Выглядела она странно бледной и будто бы ошарашенной, а мне нечасто приходилось видеть ее такой – в моем сознании мама закрепилась как уверенная в себе женщина, которая знает ответы на все вопросы. Когда мама ободряюще мне кивнула, я немного успокоилась – наверняка все дело в школьной драке.

Мы с полицейским уселись друг напротив друга, и он впервые заговорил со мной:

– Итак, Алина. Ты знаешь, почему ты здесь?

Появилась мысль о Рыжкове, но быстро потухла. Я покачала головой.

– Не беспокойся, наш разговор будет не слишком длинным, – сказал полицейский, не отрывая от меня взгляда. Его глаза круглые и карие, как у бельчонка. – Итак, Алина. Что ты делала вчера вечером?

От неожиданности я растеряла все мысли. Где я была вчера вечером? В смысле? Зачем им это знать? Я бросила взгляд на маму, но она снова кивнула мне, подбадривая.

– Я... я ходила на аттракцион с друзьями, потом смотрела фильм, потом немного читала, – пробормотала я, чувствуя себя полной дурой. – Слушала музыку, кажется... И легла спать.

– Когда именно ты ходила на аттракцион? – спросил по-

лицейский без промедления. – Скажи мне точное время.

– Эм... часов в шесть вечера. И до восьми, кажется... – что-то мне страшно, даже голос задрожал.

– Назови имена и фамилии твоих друзей. Они все из твоей школы?

– Н-нет... многие из других школ, – промямлила я, не понимая, зачем это нужно.

– Среди них была девушка по имени Мария Ножова?

– Нет.

Я вздрогнула. Зачем он вдруг заговорил о Маше? Почему о Маше, а не о Рыжковой? Что происходит?..

– Ты была у нее вчера вечером, – отметил полицейский, и его глаза стали еще круглее. – Зачем ты приходила?

– Не вечером... – пробормотала я. – Днем. Я заходила, чтобы отдать тетрадь.

– Тетрадь? – он так удивился, будто я не тетрадь упомянула, а, не знаю, сковородку.

– Тетрадь по алгебре, – уточнила я. Я нутром ощущала, как надо мной нависает что-то огромное и темное, как грозовая туча, и спешила выдать больше подробностей. – Маша оставила ее на подоконнике в раздевалке.

– Вы хорошие подруги?

– Нет... не совсем... мы не очень много общаемся.

– Тогда зачем ты понесла ей тетрадь?

Станный вопрос. Да, зачем я понесла тетрадь? Ладно, тетрадь оставила Настя или еще кто из моих друзей, или кто-

то из друзей попросил бы меня отнести тетрадь, тогда понятно. А так, по собственному хотению...

– Я ее пожалела, – вздохнула я. – В тот день кое-что случилось, и Маша расстроилась.

– Что именно случилось? – так и вцепился полицейский в этот вопрос.

– Да, – я в ярости уставилась на него. – Ответьте мне: что случилось? Разве не должны вы сказать мне с самого начала?

– Должен, – впервые на его лице проступило какое-то чувство, что-то, похожее на сожаление. – Но в данном случае...

Я встала, стул со скрипом отодвинулся от стола:

– Что случилось? Что-то с Машей, да?

– Да. Марию Ножову нашли сегодня утром мертвой.

В голове зазвенело, в уши словно натолкали ваты. Что? Как? Маша мертва? Н-но... Перед глазами встал шатающийся замок, который не закрывался...

– А родители? – быстро спросила я и посмотрела на маму. Я увидела, что ее глаза увлажнились.

– Ее мать нашла тело.

Я не заметила, как опустилась на стул, но вот, я уже снова сижу и смотрю на полицейского напротив. В голове много мыслей, и они мечутся, словно пчелы в улье.

– Вы должны были сказать с самого начала... – жалко про-
бормотала я. Дышать все труднее.

– Твоя мама пожелала, чтобы ты при даче показаний узнала о смерти Марии Ножовой как можно позже, – сказал по-

лицейский.

– Подождите... – до меня доходит слишком медленно, я перевожу взгляд от бледного маминого лица на лицо полицейского. – Вы обвиняете меня? Вы думаете, что я убила Машу, да?

– Мы всего лишь проверяем версии, – мягко сказал полицейский. – Накануне вечером Маша сказала своим родителям, что ты, Алина, приходила к ней, чтобы отдать тетрадь. Это необычно, они раньше о тебе ничего не слышали. Итак, ты сказала, что-то случилось в школе... что именно?

Но теперь мне труднее собраться с мыслями. В голове вдруг образовалась пустота – да такая, что аж зазвенело в ушах. В своем теле я почувствовала себя, как в танке.

– Над ней издевались, – я слышала свой голос как бы со стороны. – Одна девочка... она пинала ее сумку и обижала ее.

– Назови фамилию и имя.

Я назвала. Я не могла поверить. Маша в самом деле умерла?..

– Вы... вы обвиняете меня, потому что я зашла к ней домой, хотя никогда раньше этого не делала? – спросила я, посмотрев в его беличьи глаза.

– Доченька, тебя никто не обвиняет, – едва слышно отозвалась со своей скамейки мама.

– Еще раз повторю: мы тебя не обвиняем, – повторил полицейский. – Но вот тебе факты, Алина. Из необычного ма-

ма Марии может вспомнить только твой приход, а мы нашли на месте преступления волос. Это твой волос –сейчас пришли результаты. На двери есть отпечатки, и сегодня мы проверим, твои или нет.

Мой волос? В ее комнате? Это при том, что я не заходила дальше лестничной клетки? Не может быть!

– И вот еще один факт, – добавил полицейский, дав мне минуту времени. – Больше никаких улик на месте преступления мы не обнаружили. Ни одной. Понимаешь теперь, почему ты здесь?

Я кивнула. Я все больше и больше ощущала себя, как в танке. Мне казалось, я, маленькая, спряталась в огромном теле, и все звуки, все ощущения доходили до меня слишком медленно. И воспринимались не так остро. Не знаю, наверное, это такая защитная реакция на стресс.

– Я... поймите, я не убивала ее, – прошептала я. – Это не я.

– Конечно, нет. Иначе мы бы предъявили тебе обвинение в убийстве, – полицейский вымученно улыбнулся. – Позволь спросить: когда ты приходила к ней, ты заметила что-нибудь странное? Может, странных типов во дворе? Или, может, один из них проник за вами в подъезд?

– Алексей Иванович, время вышло, – жестко заметила мама и поднялась со своего места.

А я лихорадочно зашарила в памяти. Странных типов точно не было, но вот...

– Дверь, – наконец, произнесла я. – У них не закрывается входная дверь, замок сломан. Вот что странно.

8 сентября. Позже

Оказалось, пока мы с мамой находились в участке, один из полицейских – тот, который остался у нас дома – сверху донизу прочесал наш дом, а особенно – мою комнату. Думаю, мама специально разрешила полицейским это сделать – потому что точно уверена во мне.

На допросе меня спрашивали разными словами одно и то же, просили назвать какие-то имена, а особенно – что я делала вечером и что обычно делаю. Потом меня отвели в какую-то другую комнату, взяли отпечатки пальцев, кровь, а еще поковырялись ватной палочкой во рту. Я чувствовала себя, как во сне, и делала все, что просили, лишь бы они осознали – это не я. Я никого не убивала. Не убивала!

И вот, наконец, нас отпустили. Повторили, что не считают меня убийцей, а просто проверяют. Повторили много раз. Мы с мамой заехали в какое-то кафе, поели, но у меня кусок в горло не лез. Солнце лилось сквозь стеклянную стену, падало на пальмы в кадках, золотило пол, и пар от чашки кофе в его свете танцевал и закручивался в спиральки. Я все смотрела и смотрела на эти спиральки, в горле застыл спазм, а потом я подняла глаза на маму и спросила:

– Ты думаешь, это я?

– Ну конечно, нет, доченька! – воскликнула мама. Глаза у нее были на мокром месте.

– Я легла спать, – Наверное, в сотый раз за утро повторила я. – Легла спать и уснула. А потом ты меня разбудила.

– Я знаю, я все знаю, – прошептала мама и судорожно отхлебнула кофе. – Конечно, это не ты.

– Но почему тогда ты впустила их? – спросила я. – Почему разрешила обыскать наш дом? Почему разрешила меня допрашивать?

– Доченька, мы должны сотрудничать со следствием, даже если это неприятно.

Я кивнула и принялась рассматривать людей вокруг. По деловому одетые, с портфелями и лакированными сумками, они сидели перед рабочим днем и спокойно попивали кофе. Некоторые смеялись. Оказывается, утро такое длинное, вон и восьми нет! А эти люди такие счастливые! Конечно, никого из них не обвиняют в убийстве, и, могу поспорить, никогда не обвиняли.

Хотя о чем я... меня никто не обвинял. Но выглядело почему-то по-другому.

Мы заехали домой, я схватила сумку с учебниками, и мама повезла меня в школу. В кои-то веки я не опаздывала. Сегодня был особенный день.

Когда я пришла в школу, сразу поняла, что все знают. Знают, что я попала под подозрение, что Маша умерла и подозревают в этом меня. Но как?!

Ко мне никто не подошел, но вокруг, словно тараканы, расползлись шепотки, по мне заскользили косые взгляды. Я

видела, как ученики собирались кучками, сдвигали головы поближе друг к другу и шептались, шептались, шептались... Иногда до меня долетали отдельные слова: «бедная Маша», «подозревают», «в полиции» и «убийство». За одну-единственную ночь Маша Ножова стала очень популярной. Вот только для того, чтобы из невидимки превратиться в знаменитость, ей пришлось уйти из жизни.

Мне все равно. Точнее, я делаю вид, что мне все равно. Сердце сжимается каждый раз, когда кто-то кидает на меня испуганный взгляд, когда до меня долетает слово «убийство», когда те, кто раньше здоровался, сторонятся и прячут глаза.

Да черт, кто так быстро разнес новости?!

Все в порядке. Все в порядке. Все в порядке. Я повторяла это, как заклинание. Есть еще Настя, а она точно не будет против меня. Настя всегда на моей стороне, даже когда я предпочитаю ей Лизу. Настя благородная и чистая, она никого не оставит в беде.

Я зашла в класс, и бурные разговоры смолкли. Конечно, они говорили обо мне. Я сдержанно поздоровалась и простествовала к своей парте. Насти не было.

Я опустилась за парту, выложила учебник, тетрадь, ручки и только потом осознала, что Настя не придет. Конечно, не придет! Она была для Маши единственной подругой. Должно быть, она дома, плачет после расспросов полицейских...

Прозвенел звонок, вошла учительница. Обвела взглядом

класс, задержавшись на мне на долю секунды дольше, чем на остальных, и прошла к своему столу. Будь это обычный день и приди я вовремя, она бы обязательно съязвила на эту тему типа «явилась не запылилась» или «о, Алина Светлова пожаловала, значит, завтра пойдет снег». Но она промолчала, упомянула только, что Анастасии Берген не будет. Так и думала. Плачет.

Через несколько минут в класс влетела Рыжкова и, воспользовавшись тем, что учительница рылась в бумагах, проскочила на свое место. Куклы-брелоки весело попрыгали на ее сумке. Она не стала ни выкладывать тетради, ни записывать число, нет – первым делом она развернулась ко мне и ухмыльнулась. На ее веснушчатом лице отчетливо проступила радость: плевать она хотела на Машу, главное, что мне несладко.

И вот тогда, когда она повернулась и так противно взглянула на меня, я почему-то почувствовала себя виноватой. Не виноватой даже – виновной. На какой-то момент я *правда* подумала, что убила Машу.

Я мотнула головой и отвернулась. Что за чушь?! Я никого не убивала. Я спала в теплой постели и смотрела сны. Я не виновна! Смешно, но из-за какого-то волоска, оставшегося на месте преступления, меня все подозревают. Одного-единственного! Ну да, это все, что они нашли, но все-таки...

Я скрипнула зубами. Все плохо. В квартире убитой девочки найден мой волос, и он – единственная улика, хотя

я на сто процентов уверена, что притащила его с несчастной тетрадкой. Маша убита предположительно в двенадцатом часу ночи, а мое алиби на это время – сон в кровати, который слабо подтверждается словами родителей: спала, мол. Действительно, откуда родителям знать, что я спала, если они сами дрыхли без задних ног? Но к счастью, и доказательств, что это я, недостаточно. Один-единственный волос – не повод засадить меня в тюрьму.

Весь школьный день прошел для меня, как в тумане. Я плохо соображала на уроках, ловила ворон, глядя в окно, и если бы кто-то спросил меня, что я узнала нового за этот день, я бы недоуменно пожала плечами. Я не вникала в материал, который давали учителя, зато отчетливо слышала каждое слово о себе. И вот что поняла: половина школы думает, что это я убила Машу, а выпустили меня потому, что родители щедро заплатили. Вторая половина школы убеждала первую, что это чушь, что вообще-то вчера я защищала Машу от Рыжковой и так далее. У меня голова заболела от всех этих версий, но ни одна не тронула меня. Я как будто наблюдала со стороны, и казалось, что говорят не обо мне, а о какой-то другой девочке. Если бы...

Весь день я думала, что мне делать. Понятно, что это дело полиции, но оно касается *меня*. Я не могу бездействовать, я хочу что-то сделать, просто хоть что-нибудь! Я не говорю, что хочу поймать настоящего преступника и уж тем более, я не считаю, что сработаю лучше полицейских, просто мне

необходимо чем-то заняться!

После школы я специально притормозила в парке, через который бегала туда-сюда уже несколько лет. Я медленно шагала по дорожке, смотрела на желтеющие кроны деревьев, жмурилась от солнца, но в сердце клубилась темнота. Голова раскалывалась от переживаний. Наконец, я решилась. Достала телефон и позвонила.

Настя ответила через несколько гудков вялым, безжизненным голосом.

– Привет, – пробормотала я и остановилась. – Я... мне так жаль, Настя.

Глупо. Даже тупо. Но я не из тех, кто подберет правильные слова в слишком несчастливой или слишком счастливой обстановке.

Я услышала, как Настя всхлипнула и заплакала. У меня самой навернулись слезы, но не из-за того, что мне было жаль Машу (мы почти не знали друг друга), а потому, что плакала Настя.

– Мне очень жаль, – повторила я. Посмотрев себе под ноги, заметила, что топаю. Семь раз – пауза – семь раз – пауза.

– Прости... прости, – было слышно, как она шмыгает носом и вытирает слезы. – Просто Маша... она была такой хорошей... Она была тихой и старательной, и остальные просто не понимали, насколько она... – Снова всхлип и рыдания. – Она не заслужила... только не она, понимаешь, Алина?

– Да, – тихо отозвалась я.

Настя снова принялась остервенело бороться со слезами, а потом спросила в трубку:

– Как там в школе?

Но я задала ей встречный вопрос:

– Ты ведь не думаешь, что это я?

В трубке на мгновение стало тихо, потом Настя осторожно спросила:

– Что – ты?

– Ты ведь не думаешь, что это я убила Машу? – храбро спросила я.

– Нет, конечно, – у нее даже голос дрогнул. – Почему ты задаешь такие вопросы?

Конечно, она не знает. С какой стати полицейским сообщать ей о делах? Но мне никто не запрещал, поэтому я сказала:

– Меня подозревают в смерти Маши. В ее комнате нашли мой волос, но я уверена, что он свалился с тетради, которую я принесла. Ты ведь знаешь, как они у меня выпадают! И это притом, что больше никаких улик не найдено!

– Это ужасно, – прошептала Настя. – Ты в порядке, Али-на? Прости, меня сегодня не было в школе, я...

– Я все понимаю, – перебила ее я. Не хотелось, чтобы Настя оправдывалась, силясь скрыть свои слабости. Я-то знаю, что она проревела полдня. – Ты-то как себя чувствуешь?

Еще один дурацкий вопрос. Конечно, она чувствует себя ужасно! Ее подругу убили!

– Не так хорошо, как хотелось бы, – горько рассмеялась Настя. – Мою подругу семь раз ударили ножом!

Семь раз ножом? У меня в груди похолодело. Жуть. И кто способен на такое – семь раз ударить девочку-подростка? И главное – зачем? Мне сказали, что ничего не украдено... да там и красть нечего, если честно.

Так, ладно, ближе к делу. Я переложила телефон из другой руки в другую и сказала:

– Прости. Я не особо знаю, что говорить в таких случаях.

– Никто не знает, – грубо отозвалась Настя.

– У тебя есть номера телефонов ее родителей? Кого-нибудь из них? Я... мне просто необходимо им позвонить!

– Да, конечно, – голос Насти стал рассеянным, будто она на что-то отвлеклась. – Я скину тебе сообщением. Алина, прости, мне уже пора. Скоро приедет мама, а у меня – бардак.

И она отключилась.

8 сентября. День

Знаю, не самое лучшее решение – мозолить глаза убитым от горя родителям, но все-таки я позвонила им и попросила встретиться. Мама Маши ответила утвердительно на все мои вопросы, и это я выбрала, где нам встретиться. В парке? Да, подходит. Когда? Без разницы, давайте через полчаса.

Но повесив трубку, я засомневалась, что она придет. Уж слишком потеряннным и отстраненным был ее голос... Но домой идти не хотелось. Там наверняка бардак после утренней проверки. Я уселась на скамейку и принялась ждать. Голова трещала.

И только я погрузилась в пучину мыслей, как увидела знакомую долговязую фигуру в оранжевой толстовке. Фигура слегка сутулилась и шла по дорожке прямо ко мне. Это был Костя Чернов.

Костя учился в параллельном одиннадцатом классе – в том же самом, где и Маша – и слыл чудиком. Больше из-за своего внешнего вида, чем из-за внутренних качеств. Он всегда носил растрепанные (очень растрепанные!) волосы и яркие толстовки с дурацкими надписями. А вот с характером у него все было в порядке: молчаливый, стеснительный, он дружил всего с несколькими ребятами и не решался покинуть зону комфорта, чтобы расширить круг знакомств.

Я включила телефон и сделала вид, будто что-то там смот-

рю. Будь у меня больше времени, я бы и наушники вытащила – чтоб уж наверняка прошел мимо.

Но Костя не прошел, а встал передо мной и спросил:

– Алина, ты как? – и таким участливым тоном, что аж треснуть захотелось.

Я подняла на него глаза, изобразила улыбку, поинтересовалась:

– О чем ты?

– Ну... – Костя заметно смутился, почесал лохматый затылок. На его оранжевой толстовке я прочитала «I am a superman». Толстовка была точь-в-точь под цвет его волос. – Я о Маше...

– Все в порядке, – соврала я и снова уткнулась в телефон.

Костя мялся, и я будто слышала, как скрипят его извилины, силясь придумать тему для разговора. Терпеть не могу нерешительных людей – особенно, если это парни. Но хуже того, что я нравилась Косте. Я это точно знала – а иначе стал бы он нарушать границы своего комфорта, чтобы подружиться со мной? И этот его взгляд... пронзительный, словно натренированный после чтения статей типа «Как влюбить в себя любую». Выпендрожский.

– Иди, куда шел, Чернов, – пробурчала я. – Я в норме. Я же никого не убивала.

И чего несу? Зачем оправдываюсь? Звучит так, будто я и вправду убийца.

– Конечно, нет, – затараторил Костя, и его серые глаза рас-

ширились от волнения. – Я тебя не обвиняю, Алина, конечно, нет! Просто я...

– Ты близко общался с Машей? – внезапно спросила я.

– Нет, – Костя смутился от такого вопроса, и его уши покраснели. – Маша почти ни с кем не общалась. Так, пара человек... включая Настю.

– Понятно, – я растянула губы в дежурной улыбке. – Пока, Чернов.

Причина, по которой я любезна с Костей, вовсе не в том, что я милая и хорошая девочка. Во все нет. Обычно, когда Костя пронзает меня тренированным взглядом или отчетливо произносит мое имя, мне хочется снять кроссовок и швырнуть ему в лицо. Настоящая причина – это Настя. Настя считает Костю «хорошим парнем» и близко общается с его родителями. Его родители – художники, поэтому им втроем есть о чем поговорить. Что касается Кости, то я не слышала о том, чтобы он рисовал или хотя бы баловался этим. С Костей Черновым у всех ассоциировались компьютеры, информатика и программирование, и если у кого-нибудь ломался ноутбук, в первую очередь бежали к нему.

– Пока... – пробормотал Костя и нехотя поплелся прочь.

Я прождала около сорока минут, бессмысленно шаря в Интернете, но никто не пришел. Но только я поднялась, чтобы идти домой, как увидела ее. Я сразу поняла, что это Машина мама по ее мышинным волосам и нерешительной, семенищей походке – точь-в-точь, как у дочери. Когда она при-

близилась, я увидела, что глаза у нее распухли и покраснели.

– Здравствуйте, – пробормотала я.

Машина мама кивнула и уселась на скамейку. Я тоже.

– Ну так о чем... о чем ты хотела поговорить, Алина? – спросила она, и я поняла, что в очередной раз поступила глупо и самодовольно. Что я могу сказать этой бедной, сломленной женщине? Что мне жаль? И я со всей отчетливостью осознала: я позвала ее сюда не затем, чтобы соболезновать (от этого так мало проку!), а затем, чтобы успокоить собственную совесть. Я – эгоистка.

В уме меня появились слова, которые я собиралась сказать. Но ум – это одно, а вот что-то говорить, глядя в покрасневшие от горя глаза несчастной матери...

– Я хочу вам помочь, – вырвалось у меня.

Машина мама удивленно взглянула на меня, и я услышала, как нелепо это прозвучало. Но только я набрала воздуха, чтобы пояснить, как она вдруг выдала:

– Маша рассказала мне, что ты защищаешь слабых. Вчера ты защитила ее от хулиганки.

Я поперхнулась воздухом. Оказывается, они так близки... Маша даже рассказывает маме о своих унижениях. Рассказывала.

– А я... я не могу ее защитить. Ни от кого, – ее глаза медленно наполнились слезами. – Не смогла. Будь ее отец жив... это он всегда нас защищал...

Так значит, у Маши нет отца. Нет отца, который защитил

бы ее или хотя бы вставил в дверь нормальный замок. И нет денег, чтобы нанять кого-нибудь, чтобы поставить хорошую дверь.

Потом Машина мама пустилась в долгие воспоминания о дочери. Давясь слезами и всхлипами, она поведала мне, какая ее дочь умница, какая она добрая и отзывчивая, как она помогает по дому и животным на улице. К чести Машиной мамы, она говорила только о хорошем и ни разу не упомянула, что Маша мертва. Только слезы продолжали капать на колени...

А под конец, когда я не ждала, она выпалила:

– А я ведь сплю чутко, очень чутко. Но этой ночью я совсем ничего не слышала. А ведь дочка моя прямо за стенкой... – Она всхлипнула и храбро продолжила. – Алина, у нас ведь даже красть нечего. И потом... ничего не исчезло, ничего, абсолютно. Только моя Маша... – И она спрятала лицо в ладонях, не закончив предложения.

Я неловко погладила ее по плечу. Мне самой казалось странным, что кто-то вошел в квартиру только затем, чтобы убить девчонку. И какую? Тихую, незаметную, скромную, которая в жизни никому дорогу не переходила, а те редкие люди, что были близко с ней знакомы, и вовсе души в ней не чаяли. Зачем? Абсолютная бессмыслица!

Разве что в тихом Машином омуте водились такие жирные черти, что кому-то срочно потребовалось ее убрать. Я ведь ее не знаю... но тогда и собственная мать, с которой

дочь делится историями унижений, ее совсем не знает...
Фух, бессмыслица!

Домой я шла озадаченная и разбитая. Чувство такое, будто я поссорилась со всеми своими друзьями, потом выложи-лась на особенно трудной тренировке, а теперь еле волочила ноги, пока в душе зияла черная дыра.

Но где-то на небесах решили, что еще недостаточно. Я пришла домой и поднялась в свою комнату. Голова, итак трещавшая, вдруг закружилась, и я осела на пол. На голубой стене моей комнаты сиреневой краской было выведено: «wst не открывай ему!»

9 сентября. Утро

Дом был заперт, сигнализация включена. Так кто сумел забраться ко мне и написать эту чушь? Когда я тихонько спросила у родителей, не пускали ли они кого-нибудь в наш дом, оба ответили отрицательно. Только утром был полицейский – тот самый, который искал в нашем доме улики против меня. Значит, это он написал? Но зачем?

По каким-то причинам я не рассказала родителям о надписи. Я отмыла стену, предварительно сняв кусочек сиреневой краски и положив его в маленькую баночку. Мне показалось, это не краска. Ничем не пахнет, ложится ровно, словно снег, обнимающий землю, от воды растворяется, а еще мерцает в темноте. Это я обнаружила ночью, поставив баночку на тумбочке и выключив свет. Кусочек краски в ней едва заметно светился. Если смотреть прямо, как будто даже и не светится, а если бросить взгляд искоса, то можно заметить светлое пятно.

Ночью я долго смотрела на фото изрисованной стены и гадала, что все это значит. И чем больше я гадала и смотрела, тем страннее все становилось. Зачем полицейскому писать на моей стене? И если предположить, что это не он, а какой-то другой человек, каким-то образом оказавшийся в моей комнате, пока меня не было дома, то вопрос тот же самый – зачем? С какой целью? Что это значит? **Wst?** Что это

такое? «Не открывай ему»? Кому?

С этими же мыслями я проснулась утром и долго смотрела, как полоска света от восходящего солнца ползет по потолку. Хотелось спать, но мысли и больная голова не давали уснуть. Что такое **wst**? Кому я не должна открывать?

Я встала рано, даже папа, который всегда уезжал раньше всех, еще спал. Я пробралась на кухню, вскипятила воду и сделала себе кофе, наблюдая, как солнце восходит над верхушками садовых деревьев. Где-то за этими деревьями и за высоким зеленым забором дымил город, но нам отсюда не было видно – как и всем в этом районе. Дома специально спроектировали так, чтобы их владельцы, глядя в широкие окна, чувствовали себя так, словно выехали на дачу.

Пока пила кофе, я написала сообщение одному другу-студенту, Георгию, который учился в нашей школе, но теперь поступил на химический факультет. В школе он тоже тренировался, мы вместе выступали на соревнованиях и неплохо общались, так что за помощью я обратилась именно к нему. Я окончательно уверилась, что вещество на моей стене – не краска. Но что? Вот пусть он и выяснит. А я в качестве благодарности угощу его пиццей.

9 сентября. День

Друг из универа, Георгий, отозвался ближе к обеду. Он написал, что готов встретиться после пар, а с меня за услугу – большая пицца. Так что баночку с сиреневой «краской» я прихватила не зря.

Сегодня в школе все снова шептались обо мне, но уже не так, как вчера. Новость улеглась, ничего свежего не появилось, а обсуждать одно и то же по кругу никому не хотелось. Из полиции не звонили, и мама, которая обещала держать меня в курсе, молчала.

Настя снова не пришла, и я рассердилась. Почему она бросает меня одну? Меня вообще-то подозревают, а в школе так я и вовсе превратилась в изгоя! А она дома отсиживается, тоже мне...

– Эй, Светлова! Почему бы тебе не поменять фамилию на что-то более подходящее?

Я стояла у кабинета, залипала в телефоне и никого не трогала, а тут нарисовался один... вон, стоит у окошка и скалится, парень из параллельного, даже не помню, из какого именно. Он у нас местный дурачок, и все недоумевают, как ему удается переходить из класса в класс. Знаменит наш дурачок своими шуточками-не-к-месту и идиотским выражением лица. Он всегда кривит лицо, словно самый умный, а вокруг те – кто ничего не смыслит в жизни.

Итак, он выпалил что-то про то, что мне бы сменить фамилию, и я удивленно на него уставилась. Я не хотела, но у меня вырвалось:

– А что, хочешь позвать замуж?

Его дружки и подружки, его свита, дружно заржали. А дурачок (его прозвище, кстати, Колобок, потому что он при любом удобном случае повторяет тот анекдот, в котором колобок повесился) оскалился еще сильнее, мне даже показалось, что еще чуть-чуть – и зарычит, и выдал:

– Давай ты будешь Убивцовой?

Уровень младшеклассника. Я знала, что он скажет что-то в этом духе, но все-таки фраза меня задела. Мудрее было бы промолчать, но в случаях, когда задеты мои чувства, язык летит впереди меня:

– А тебе жить надоело?

На мгновение все замолчали, а потом пара человек из свиты Колобка засмеялась. Неуверенно, тихонько и, наконец, перестали. А Колобок продолжал скалиться, и лицо его застыло, как маска.

– Все знают, что это ты. Просто богатые родители выкупили тебя.

Ух, как он меня бесит! Вот сейчас, в этот конкретный момент, мне хочется съездить ему по морде! Но я мысленно сделала глубокий вдох-выдох и сказала:

– Рано или поздно, настоящего преступника поймают. Полицейские не дураки, так что его обязательно поймают. И

это буду не я.

– Ну да, ты ведь можешь просто заплатить, – фыркнул Колобок.

Спокойствие! Сохраняй спокойствие, Алина! Не слушай его, он идиот, а идиотов не слушают! С такими мыслями я ушла под громкое улюлюканье свиты Колобка.

Ничего... он еще увидит. Они все увидят. Полицейские рано или поздно поймают настоящего преступника, и все увидят, что это не я. Его обязательно поймают! Семь ножевых ран...

У меня болезненно перехватило дыхание, я даже на лестнице приостановилась, чтобы отдышаться. Все хорошо. Все в порядке. Я должна идти дальше. Уроки закончились, и Георгий наверняка ждет за школьными воротами. Все в порядке. Просто иди.

Это Колобок. Он дурак. Он всегда такой противный. И он всегда меня недолюбливал. Просто прими это и отпусти.

Кажется, это легко, но не сегодня. Не при таких обстоятельствах. Для Колобка это убийство ничего не значит, он даже едва ли осознает, что такое на самом деле убийство. Для него это, может, очередной триллер в виртуальной реальности, сценка для КВН, а я – антагонист, которого нужно задиссить. Он просто ребенок в теле старшеклассника, вот и все.

Я попыталась себя реабилитировать, но тяжелые мысли камнем легли на сердце, и из школы я вышла далеко не в

радужном настроении.

Георгий встретил меня возле школы. Одетый в кожаную куртку с надписью «bye» на спине, он сидел на мотоцикле, придерживая на руле два блестящих шлема. То и дело он окликал знакомых девчонок, и те, проходя мимо, хихикали и заливались краской.

– А ты стал красавчиком, – заметила я. – Похоже, к парикмахеру теперь ходишь?

– А ты по-прежнему считаешь себя остроумной? – парировал он, поворачиваясь и подавая мне шлем.

– Ой, посмотрите на него! Поступил в универ и нос до неба задрал!

– Типа того, *школота*, – Георгий осклабился и получил от меня хлопок по спине.

Георгий для меня словно старший брат. У нас одинаковые увлечения – легкая атлетика, мотоциклы, даже одежда, – но при этом между нами никогда не вспыхивало романтических искр или чего-то подобного. Но почти все, включая мою маму, считали, что мы парочка, и мне надоело переубеждать людей.

– А ты чего на своем не гоняешь? – спросил Георгий, похлопав по рулю. – Такой классный мотик – и в гараже пылится.

– Так мне до школы пять минут бегом. Обычно на выходных катаюсь. – Рассеянно отозвалась я и хлопнула его по плечу. – Ну, мы едем или не едем?

Универ Георгия располагался в центре города, и от нас дотуда добираться пятнадцать-двадцать минут. Здание универа возвышалось громадиной из серого и голубого камней, и его окружали скверы, кафешки и канцелярские магазинчики. И всюду сновали студенты в джинсах, прижимая к груди разноцветные папки.

Георгий припарковал мотоцикл на стоянке, а я вручила ему баночку и махнула в сторону кафе:

– Подожду тебя там.

– Ерунда! – фыркнул Георгий и спрятал баночку во внутренний карман кожанки. – Погнали вместе.

На входе в универ меня остановили, но Георгий что-то наболтал охранникам, и нас в конце концов пропустили с миром. Может, и ерунда, но живот у меня скрутило в узел. Я нарушала правила, а это не то, что я должна делать, когда меня подозревают в убийстве, пусть даже дело касается такого пустяка, как обмануть универскую охрану.

– Чего это ты побледнела? – спросил Георгий, когда мы поднимались по широким ступеням.

– Да просто, – отмахнулась я. – Голова болит.

Вокруг переговаривались и смеялись студенты, пахло хлоркой, типографской краской и кофе. Мы поднялись на третий этаж, прошли по длинному коридору, Георгий зашел в какой-то кабинет, забрал ключи. Еще пара поворотов по коридору, и Георгий, наконец, отворил дверь в химический кабинет.

Здесь аромат кофе и типографской краски резко сменился на запах серы. Георгий хлопнул по выключателю, и длинную, узкую комнату затопило в ярком свете. На полках за сверкали многочисленные склянки, а рядом со мной обозначился человеческий скелет из гипса.

Георгий открыл шкафчик, достал микроскоп и пару склянок. Я принялась рассматривать содержимое баночек на полках. На мгновение показалось, что я попала в Хогвартс, на урок зельеварения – по крайней мере, именно так я представляла кабинет Снейпа.

– Это какая-то домашка? – спросил Георгий, колдуя над микроскопом.

– Нет, это другое, – отозвалась я. – Не спрашивай, где я это взяла, просто посмотри, что это такое. Пожалуйста. Мне любопытно.

Несмотря на то, что мы с Георгием близки, мне не хотелось делиться с ним своими проблемами и страхами. Я даже представить не могла, как он отреагирует, скажи я, что меня таскали в участок, а ко мне в комнату залезли, чтобы написать на стене странные слова. Наши отношения были близкими, но легкомысленными, и мы никогда не трогали серьезных разговоров. Говорят, настоящие друзья с тобой и в радости, и в горести, и в солнечные дни, и в ненастные, но мы с Георгием делили друг с другом только радости, весь негатив оставляя за ширмой. Эдакие друзья в солнечный день, «солнечные» друзья.

Какое-то время стояла тишина. Я разглядывала кабинет, Георгий звенел микроскопом и пинцетами. Я снова задумалась о надписи на стене. «wstне открывай ему». Что это значит? Кто написал?

Дверь с грохотом отворилась, и кто-то влетел в кабинет. Он вышел из-за скелета и оказался пухлым парнем в пушистом синем свитере. Увидев Георгия, он расцвел и воскликнул:

– А, вот ты где, Гоша! Прячешься от меня, да? – Он увидел меня и осекся, однако через мгновение на его лице вновь засияла радостная улыбка. – А вы кто, милая леди? Так вот какие у тебя дела, Гоша!

– Санек, не называй меня так, сколько повторять, – поморщился Георгий, продолжая звенеть стеклами. – Это Алина, моя подруга.

– Подруга, говоришь? – многозначительно переспросил парень и подобрался ко мне поближе, улыбаясь во все тридцать два. Зубы у него были крупные и белые, словно у голливудского актера.

Я протянула ему руку, и тот с энтузиазмом ее затряс:

– Я – Саша! Очень рад познакомиться, Алина! А мы с твоим другом Гошей лучшие друзья, начиная с первого сентября!

– О... я рада, – ляпнула я. Я всегда смущалась, когда встречалась с гиперактивными и суперобщительными людьми, вроде этого Саши, хотя сама была не робкого десятка.

ка.

– А что вы тут мутите? – поинтересовался Саша и подошел посмотреть, что делает Георгий. Несмотря на лишний вес, двигался он грациозно и четко, словно танцор.

– Да так... смотрим... – пробормотал Георгий.

Саша отошел от него и снова с сияющим лицом повернулся ко мне. Я изобразила вежливую улыбку. Я думала, он что-нибудь скажет или спросит из разряда «какая прекрасная сегодня погода» или «а сколько тебе лет?», но он ничего не сказал. Только внимательно посмотрел на меня, а потом его улыбка потухла, и он отметил:

– Ты странно выглядишь, Алина, ты в курсе?

– О чем ты? – удивилась я и окинула себя взглядом. Ну да, джинсы немного потерлись, а майка выглядела растянута, но джинсовка-то совершенно новая! Да и причесалась я перед выходом...

– Я о другом, – нетерпеливо вымолвил Саша. – Твоя аура. Ты выглядишь как... – Он не нашел нужного слова и начал заново. – Ты похожа на экстрасенса. Мне кажется, ты обладаешь сверхъестественной силой и можешь чувствовать другой мир... а также влиять на его представителей. Поняла теперь?

Я посмеялась, но Саша не подхватил мой смех. Тогда я осеклась и во все глаза уставилась на него. Он серьезно?

– Не обращай внимания, Алина, – отозвался от стола Георгий. – Санек влюблен в мистику и иногда говорит стран-

ные вещи.

– Это не странные вещи, Гоша! – хмыкнул Саша. – Я тебе отвечаю: другой мир вплетается в наш, а кое-где он проходит так близко, что существа могут пробраться сюда.

– Но ведь наш мир непригоден для них, ты сам говорил, – заметил Георгий.

– Да, и все-таки... – Саша наклонил голову к плечу, словно любопытный пес. – Алина, а у тебя случаем не бывает беспричинных головных болей?

– Бывают, – поразилась я. Откуда он знает? Просто так отгадал или в самом деле видит ауру?

– Вот оно! – Саша хлопнул в ладоши. – Ты точно можешь их чувствовать! Значит, где-то порвалась перегородка между мирами...

– Харэ вести лекцию, Санек! Знаешь, Алина... – Георгий замолчал, подбирая слова. – Я еще на первом курсе и, должно быть, переоценил себя, когда решил помочь...

– Что такое? – встрепелась я.

– Да, что вы такое мутите? – спохватился Саша.

– Давай сделаем так: я еще подойду к профессору, пусть он определит, что за штуку ты принесла. Я не знаю. Честно – не знаю.

У меня екнуло сердце. Я спросила:

– Это потому что ты первокурсник?

– Думаю, да... я еще многого не изучил.

Его слова тревожно повисли в воздухе, и я выпалила:

– Ладно. Тогда спроси у профессора, хорошо?

– Конечно, Алина, – он широко улыбнулся. – Я сделаю все, не задавая вопросов. Но с тебя – пицца. Даже две!

– Конечно... – протянула я, а у самой перед глазами стояла картинка. Моя стена. И надпись на ней. «**wst** не открывай ему». Теперь они казались почти зловещими.

И этот чудик Саша... откуда он узнал, что у меня головные боли? Какая перегородка порвалась между мирами? И какие существа могут пробраться в наш мир? Перед глазами мелькнуло видение – отрывок из сна. Рвущаяся бумажная стена, тьма и что-то, вылезавшее из этой стены...

Р-р-р-рип!

10 сентября. Утро

Настя выглядела неважно. Кожа побледнела, даже посинела местами, глаза покраснели и опухли, обычно аккуратная коса до пояса растрепалась. И вообще выглядела она помятой и какой-то тревожной, даже осанку не держала как обычно, сутулилась, вжимала голову в плечи. Так мог выглядеть только человек, потерявший близкого друга.

– Как ты? – спросила я, когда она подошла к нашей парте. – Держишься?

Настя кивнула, прошептала:

– Прости, что меня не было. Тебе тоже нелегко пришлось.

– Ерунда, – отозвалась я, пока окружающие, глядя на нас, взволнованно перешептывались. Еще бы! Подруга убитой и убийца встретились.

Пока Настя раскладывалась, я исподтишка рассматривала ее. Глаза опухшие, красные, но сухие. Она выплакала все слезы, и горе легло черными тенями под глазами.

Начался урок. Учительница ничего не сказала о приходе Насти, а Настя, обычно собранная и внимательная, скользила рассеянным взглядом по доске. И грызла ноготь, чего себе никогда не позволяла. Бедняжка.

И вот, она придвинула ко мне тетрадку, в которой карандашом было написано: «Мне страшно, Алина». Я взглянула на нее и тихонько коснулась ее плеча. Насте никогда не бы-

ло страшно, а если и было, она никогда не признавалась в этом. Я взяла карандаш и поставила ниже ее предложения знак вопроса. Настя снова что-то написала в тетрадке и придвинула ее ко мне.

«Я могу быть следующей».

Господи, да она с ума сошла от горя!

«Его поймают», – написала я.

«Ты уверена?» – и взглянула на меня с такой мольбой, будто это я должна была поймать преступника.

«Конечно! Вот увидишь!»

Настя несколько раз кивнула и вымученно улыбнулась.

10 сентября. День

«Привет, Лина! Представляешь, только сейчас у меня появилась свободная минутка, чтобы написать тебе. В Америке круто! Этот фестиваль – крутой! Я среди своих, тут геймеры со всей планеты, представляешь?! И каждый день выступают крутые спикеры, разработчики, знатоки компьютерных игр! Ты бы знала, как тут классно! Я так рада, что полетела!

Как твои дела? Как дела у Настюхи? Как там школа? Надеюсь, вы все с нетерпением меня ждете! Прилетаю через пару дней! И приготовься – буду трещать, как трещотка!»

И много-много-много смайликов. Улыбающихся, разноцветных, празднующих, пускающих салют. Прочитав сообщение от Лизы, я лишь горько улыбнулась. Лиза, девочка-праздник, девочка-фейерверк, веселилась в компании новых друзей в Америке и совсем не знала, что у нас тут творится. Уже представляю наш разговор:

«Лиза, пока тебя не было, умерла одна девочка из параллельного. Вряд ли ты ее знаешь, ее зовут Маша Ножова, с ней еще Настя хорошо общается».

«Умерла?! Как?!»

«Семь ножевых ударов. Убили в собственной комнате».

«???»

«Подозревают, что это сделала я».

Веселуха! Вот только это не смешно, хотя Лиза в начале

может подумать, что это очередная дурацкая шуточка из моих уст. Я быстро написала, что все нормально, школа стоит, Настя рисует и прочую чепуху. Не сейчас. Точно не сейчас.

Только я собралась спрятать телефон в сумку, как он пиликнул. Пришло еще одно сообщение. На этот раз писал Георгий:

«Алина, срочно! Где ты нашла это вещество?!»

Я быстро набрала в ответ:

«А что такое?»

Георгий среагировал моментально:

«Да тут профессору приспичило узнать».

Я застыла и задумалась. Что же написать? Вот ведь я дуручка! Можно было предугадать, что профессор спросит что-то подобное! Но не успела я придумать ответ, как Георгий снова прислал сообщение:

«Тут такое дело... это твое вещество даже профессор определить не может. Даже приблизительно! Прикинь?!» Я только собралась отправить какой-нибудь смайлик и оправдательную фразу, но увидела, что Георгий снова набирает сообщение.

«Оно выглядит, как что-то твердое и материальное типа кусочка застывшей краски, но профессор говорит, что, судя по тому, как расположены молекулы, оно скорее похоже на воду или даже на газ! При этом, в разное время – по-разному, но от температуры это не зависит. А физически оно аморфное! Прикинь?!»

Блин, да что мне написать? Где я его нашла? Это просто – нужно сказать все, что угодно, кроме своей комнаты! Но что делать с грядущими вопросами типа «зачем вдруг захотела проверить, оно ведь выглядит нормально?»

– Что ты там строчишь? – спросила Настя, рисуя в блокноте. Была большая перемена, мы только что вернулись с обеда, и каждая из нас по-своему проводила свободные минуты. – Кстати, ты снова это делаешь. Стучишь. Только ногой по парте.

И верно. Семь ударов по ножке парты – пауза – снова семь ударов – снова пауза. Что за идиотская привычка!

– Устроили с Георгием баттл по дурацким шуточкам, – я прекратила пинать парту и набрала ответ: «Я понятия не имею, откуда это вещество. Меня попросили узнать, что это такое».

– Слишком у тебя серьезное лицо для шуток, – отметила Настя и отстранилась, чтобы полюбоваться на набросок. – А ты ему рассказала?

Ее голос дрогнул, и я сразу поняла, о чем она. Я покачала головой, Настя закивала, а я увидела, что ее глаза повлажнели. Я украдкой посмотрела, что она рисует, и вздрогнула: с листа тетрадки на меня смотрело лицо Маши. Точно она: вон ее мышинный хвостик и любимая полосатая блузка, застегнутая на все пуговицы. Вот только эта Маша выглядела уверенной и счастливой. Она широко улыбалась.

– Н-нет, не говорила...

Увидев, что я смотрю, Настя прошептала:

– Хочу, чтобы Маша была счастливой. Хотя бы на картинах.

Она дрогнула, шмыгнула носом и начесала пряди волос на лицо. Но я увидела, как на рисунок капнула слеза. Настя в самом деле любила Машу, как если бы та была ее младшей сестрой. Я знала это, как никто другой.

Дверь отворилась, и вошла Рыжкова. Румяная, сияющая, она заняла парту неподалеку от нас, закинула ноги на столешницу, а руки – за голову. Скосила на нас глаза и улыбнулась, словно кошка, сожравшая хозяйскую сметану.

– Чего уставилась? – спросила она у меня, но не с гонором, как обычно, а вполне дружелюбно, будто хотела поинтересоваться, не запачкала ли она нос.

Я отвернулась. Рыжкова какая-то довольная. Неужели так радуется чужому горю? Настолько, что ей плевать на смерть девушки, которую она – на минуточку! – обидела перед этим?

Пиликнул телефон. Пришло еще одно сообщение от Георгия: «А можешь спросить у этого типа, где он взял это вещество?»

Не моргнув, я соврала: «Уже. Он пока не прочитал».

Георгий прислал мне руку с оттопыренным большим пальцем, и я, взглянув на нее, вздохнула. Молодцом я себя не чувствовала.

Так значит, вещество, похожее то ли на воду, то ли на газ,

находится в твердом состоянии. И оно, как я выяснила, без следа исчезает, стоит растворить его в воде. Даже сиреневых следов на тряпке не остается! И профессор химического факультета не может определить, что это такое. Так кто же залез ко мне в комнату, чтобы написать «**wst** не открывай ему»?

11 сентября. День

Я не знала, как двигается следствие, но одно я понимала точно: преступника до сих пор не нашли. Я где-то слышала, что если преступника не находят в течение сорока восьми часов, значит, дальнейшие поиски бессмысленны. Или это относилось к пропавшим без вести? Да, точно! Я совсем потерялась...

Я беспокоилась, поэтому голова теперь болела почти без остановок. Конечно, полицейский в участке с беличьими глазами заверил меня, что я вовсе не подозреваемая, просто им нужно проверить все версии... но разве, сказав это, он не признался, что считает меня причастной к убийству? Ох, боже, как раскалывается моя голова!

И еще эта надпись на стене... Я снова смотрела на нее перед сном, но только нагнала на себя жути, и мне всю ночь снились дурные сны. Еще в дреме мне являлся друг Георгия, Саша, и твердил: «У тебя головные боли? О, так это потому, что где-то порвалась перегородка между мирами!» Затем он широко-широко улыбался своей голливудской улыбкой и медленно исчезал, точь-в-точь как Чеширский Кот из фильма. А я слышала, как где-то рвется бумага: р-р-р-рип!

А еще я думала о Машиной маме. Мне хотелось, чтобы ей поставили нормальную дверь, но, поговорив с мамой, решила, что не стоит. Вряд ли она обрадуется, увидев ее. Да

и разрешат ли полицейские? Говорят, она по-прежнему живет в участке... И вообще – мама при таком предложении посмотрела на меня, как на дурочку.

А сегодня – Машины похороны. Голубое еще с утра небо затянули серые тучи, задул прохладный ветер, погнал листья по асфальту. Настя снова не пришла в школу. Ну да, а чего я ожидала?

Я стояла у входа в кабинет и залипала в телефоне, пыталась читать. Но строчки расплывались перед глазами, а голова трещала так, что раздумывать над текстом просто не хотелось.

– Говорят, сегодня хоронят девку, которую ты грохнула?

Я подняла глаза и увидела довольную морду Колобка.

– А ты почему не там? Может быть, потому что ее мамка тебе не доверяет?

Господи, да отвали ты! Я отвернулась и попыталась запихнуть свою злость куда подальше. Те одноклассники, что стояли рядом, словно копья, побросали в меня косые взгляды и слегка отстранились. Отвели глаза, поглубже засунули в уши наушники и уткнулись в телефоны. С Колобком никому связываться не хотелось.

– Ну, чего молчишь? – спросил Колобок. – Обычно же ты вся из себя такая дерзкая. Чувствуешь вину?

Сегодня он пристал без свиты, но казался уверенным в себе. Наверное, его грела мысль, что большая часть школы поддержала бы его или хотя бы не стала останавливать, поз-

воля говорить, что он пожелает. Многие до сих пор были шокированы неожиданной смертью Маши.

– Никакой вины я не чувствую, – процедила я. – И вообще: чего ты ко мне прикопался? Думаешь, шутить над этим – смешно?

Несмотря на то, что окружающие изо всех сил делали вид, что слушают что-то в наушниках, я почти физически ощутила, как они наострили уши.

– А я не шучу, – отозвался Колобок и нагло улыбнулся. – Ты – убийца. Я точно знаю: такие богатенькие и сытые люди вроде тебя всегда виноваты. С жиру бесятся. Иначе как объяснить, что из ее квартиры ничего не пропало?

А это ему откуда известно? В висках у меня забились злость. Да что с ним такое? Он специально меня дразнит? Ну да, он же дурак, Колобок без мозгов, блин...

Спокойно, Алина! Спокойно. Если огрызаться на каждую твякующую шавку, никаких нервов не хватит. И я ушла, хотя внутри кипела и клокотала кровь. Я привыкла все высказывать, а не копить грязь, но в этом случае лучше прикусить язык.

Когда я шла вниз по лестнице, то услышала, как за моей спиной смеется Колобок.

11 сентября. Ночь

Настроение у Колобка поднялось. Из колонок басами раздавался рэп, а он стучал по клавишам ноутбука и придумывал новую историю. Писательство было его хобби, и он привык записывать придуманные шутки в огромный файл ноутбука. Там лежало уже более трехсот страниц, и Колобок посмеивался, вбивая новый текст. Вот эта шутка точно зачетная! Его команда по КВН заценит!

Большая часть его шуток касалась богатых буржуев. Он любил высмеивать их, их толстые кошельки и причуды. Он считал богачей людьми с другой планеты, инопланетянами, теми, кто нажился обманом, потому что думал, что честным трудом ни за что не заработать столько денег. А еще потому что он с отцом и матерью ютились в крохотной однушке, которую переделали под двушку, разделив комнату пополам тонкой стеной.

Мама ворвалась в комнату и крикнула сквозь басы музыки:

– Гриша, господи! Сделай ты музыку потише!

– Мам, но я не могу писать без нее! – крикнул Колобок, продолжая долбить клавиши.

– А мы с отцом не можем уснуть из-за нее! – повысила голос мама.

– Ну ладно, ладно! – и Колобок убавил. Мама строго кив-

нула и исчезла.

Стоило музыке немного утихнуть, как запал Колобка стих, и пальцы неподвижно легли на клавиатуру. Что он хотел написать? Что там дальше? Вот блин, сбила только весь настрой!

Надо подумать об этой буржуйке, Светловой. Богатенькая девка, вся на понтах. Как бы посмешнее ее унижить? Так, на чем же он остановился? На том, что Светлова пошла в ночной клуб прожигать деньги, и к ней подкатил какой-то парень. Пусть парень тоже будет на понтах, весь такой при Гуччи и Адидасе (так, надо погуглить самые дорогие бренды), а когда Светлова в него влюбится, на деле окажется бомжом. И пока она не знает, можно кучу разных ситуаций нелепых понаделать, столько шуток отмочить!

Колобок улыбнулся своим мыслям и снова принялся печатать. За окном уже сгустилась ночь, и тусклый свет фонарей еле рассекал тень их мрачного двора. Они жили на первом этаже, и окно располагалось чуть выше подъездных дверей.

Колобок остановился и попытался вспомнить самое мерзкое выражение лица Светловой. А какого цвета ее глаза? Голубые? Нет, скорее, ледяные. И взгляд такой надменный, словно у королевишны. И волосы, как мочалка. И дурацкая родинка на щеке, похожая на мерзкого жука. Все это надо отобразить в сценарии, чтобы все уж точно узнали эту убийцу.

Да, Колобок в самом деле считал, что Светлова убила девчонку из параллельного. Из надежных источников он знал, что полицейские не нашли на месте преступления ничего, кроме ее волоса. А откуда там может появиться ее волос? Он Светлову никогда даже рядом не видел с этой бедной убитой девчонкой...

«Богачи все такие, – думал он, глядя в монитор. – С каждым разом им нужно все более изощренные забавы, чтобы насытиться. И поэтому она выбрала девчонку из бедной семьи, самую тихонию».

Он не жалел убитую девчонку, зато он точно мог сказать, что ненавидит Светлову. Да, ее – и всех остальных богатеньких бездельников. Вон, его родители пашут на двух работах и едва сводят концы с концами, а семейка Светловой каждые каникулы летает в экзотические страны. Да, он знал об этом, но вовсе не потому, что следил (еще чего?!) – а потому что хвастунья Светлова все выкладывала в соцсетях. «Инстаграм» не соврет.

Странно, что не вся школа настроена против этой гадины. Ну да, многие из них считают его дурачком, но это ерунда. Мама всегда повторяла, что дураки в сказках на самом деле умнее всех.

Ноут щелкнул, и рэп на мгновение смолк. Пришло сообщение. Колобок тут же ткнул по вкладке браузера и нашел электронную почту. Что там такое?

Письмо пришло странное, с названием на каком-то непо-

нятном языке, похожем на арабский. Колобок щелкнул по нему и открыл, надеясь перевести. Но даже почта не предложила перевод, и он уставился на странные символы и прикрепленный файл. Он увидел расширение: **wst**. Что еще за ерунда?

Он не собирался открывать этот странный файл, но рука будто сама потащила мышку по коврику. Да, ему *хотелось* открыть его, казалось, если он не сделает этого, то потом всю жизнь будет жалеть. И Колобок щелкнул по иконке с файлом.

Экран ноутбука моргнул зеленым и розовым и со щелчком погас. Рэп смолк. Колобок испугался. Этого еще не хватало! Если история, которую он с таким вдохновением писал последние два часа, не сохранится, он просто озверееет! Нет, она обязана сохраниться! И чего его поперло открывать этот дурацкий файл?!

Ноутбук вновь загорелся – так внезапно, словно лампочку включили. Музыка вновь заиграла. На экране забелело окошко электронной почты и файл. Колобок отправил письмо в мусорную корзину и щелкнул по своему сценарию. Отлично! Все сохранилось! Все в порядке!

В дверь постучали. Колобок сделал музыку еще тише. Странно, что мама постучалась, обычно она не стучится, просто заходит и говорит, что ей надо. Может, это папа? Он редко заходил в его комнату, так что мог и постучаться.

Но в комнату так никто и не вошел. Колобок пожал плеча-

ми. Значит, дело было в музыке – стоило убавить громкость, как папа ушел обратно спать. Значит, все в порядке и можно писать дальше. Итак, Светлова...

Тук-тук!

– Да что ж такое... – Колобок встал и открыл дверь.

Там, в коридоре, кто-то стоял. Он едва мог различить силуэт, но тут же понял: это не родители. Его родители оба высокие и плотные, а тот, кто стоял там, в темноте, был невысокого роста. Волосы средней длины обрамляли лицо и волнами падали на плечи. Как мочалка.

– Ты... – пробормотал он, пятясь. Силуэт стоял неподвижно, даже слишком. – Ты... как...

А потом она шагнула внутрь. Крик застрял у Колобка в горле.

11 сентября. Ночь

Я убежала. Я зашла в темное здание, заблудилась в многочисленных коридорах и встретила там чудовище. Оно выпрыгнуло из стены, а стена порвалась, словно бумажная. Р-р-р-рип! Я побежала, а оно последовало за мной. Я должна была остановиться, перевести дух и вызвать сияющий меч, который жил внутри меня (я точно это осознавала!), но не могла – страх поглощал меня без остатка.

– Проснись!

Я вздрогнула и села в своей постели. Дома! Это всего лишь сон! В моей комнате горел ночник, а мама сидела на краю кровати и смотрела на меня.

– Что? Что такое? – я протерла глаза. – Я кричала?

Мама так непривычно ведет себя в последнее время. С тех пор, как мы ездили в участок, она стала излишне заботливой и чуткой по отношению ко мне: то постель мою заправит, то сварит мой любимый суп, то вдруг ни с того ни с сего купит мороженое, хотя сама его терпеть не может. А теперь вот приходит ночью ко мне в комнату, чтобы успокоить, словно малое дитя.

– Проснись, – повторила мама деревянным, совсем не своим голосом, и я медленно отняла руки от лица.

Мама. В шелковой синей ночнушке, как и всегда ночью. Но она смотрела на меня, не отрываясь. Не так, как обычно.

Ее взгляд казался остекленевшим, неживым.

– Мам... – несмело пробормотала я.

– Проснись! – почти взвизгнула мама и капризно тряхнула головой. – Сколько ты будешь тупить, Алина?! Все развивается прямо у тебя под носом, ты уже вовлечена, так будь добра очнуться!

Я почувствовала, как футболка намокла от пота. Я что, еще сплю? Мне снится очередной кошмар?

– Мама, что ты такое говоришь? – спросила я, а сама стала отползать к противоположному краю кровати.

Мама дернулась вперед и схватила меня за запястье. Я вскрикнула, а ее неживые, стеклянные глаза уставились прямо в мои, и она процедила:

– Сделай что-нибудь, Алина! Ты должна покончить с этим! Должна... – она закашлялась и опустила голову. Я вырвалась, соскочила с кровати и подбежала к окну. Оглянулась.

Мама прекратила кашлять и подняла голову. Убрала пряди волос с лица и недоуменно взглянула на меня.

– Алина? Что такое?

– М-мама? – дрогнувшим голосом спросила я.

Мама огляделась, пробормотала:

– Не помню, чтобы заходила к тебе в комнату. Кажется, я шла в туалет...

Сердце колотилось о ребра так болезненно, что каждый удар отдавался во всем теле. Я держалась за ручку окна и не

понимала, что произошло. Я хотела сбежать через окно от собственной матери. Боже, я скоро чокнусь!

– Мам, ты что, лунатишь?

– Ох, Алина, я сильно тебя напугала? – мама виновато взглянула на меня, и я, наконец, поверила, что это она. Как я вообще могла подумать противоположное? Ведь буквально секунду назад я твердо верила, что эта женщина – не моя мама...

– Нет-нет, все в порядке, – соврала я. – Пойдем спать.

12 сентября. Утро

– Неважно выглядишь, – заметила Настя, когда мы столкнулись у входа в школу. – Плохо спала?

Сегодня Настя выглядела лучше, чем вчера. Длинные волосы заплетены в аккуратную косу до пояса, на свитере ни катышка, а на юбке – ни единой мятой складки. Все идеально, как и обычно. После похорон Настя снова взяла себя в ежовые рукавицы.

Я представила, как выгляжу с ней рядом – в мятой рубашке, заправленной как попало в брюки, с растрепанными волосами – и только вздохнула.

– Да так, нормально, – сказала я, припомнив, что мне снились кошмары. – А ты как? Порядок?

– Да, все хорошо, – сдержанно отозвалась Настя, проходя в школьные двери.

Но я-то видела. Раньше Настя была более оживленной и искренней, а сейчас словно корочкой льда покрылась. Она почти не улыбалась, держала лицо кирпичом и не говорила лишних слов. Конечно, смерть Маши не прошла для нее бесследно, и теперешняя Настя, Настя-За-Ледяной-Стеной, сотрется нескоро. Если вообще сотрется.

На переменах Настя рьяно рисовала что-то в скечбуке, и ее глаза оставались холодными и сухими. Я старалась лишний раз не трогать ее. Слава богу, она хотя бы больше не го-

ворила ерунды типа «я могу быть следующей». С чего она вообще взяла, что последует за Машей?

А наша «американка» Лиза целое утро слала мне веселые фотографии со своего игрового форума, не зная, что у нас происходит... Она обещала вот-вот прилететь, слала кучу счастливых смайликов, но мне было не до смеха, стоило представить, как она обо всем узнает.

12 сентября. День

– Алина Светлова, выйди, пожалуйста, из класса. Со всеми вещами, – попросила учительница, входя в кабинет.

Я удивленно подняла глаза от тетради. С чего вдруг с вещами? Вот так, посреди контрольной? Настя встревоженно бросила на меня взгляд, когда я сложила все в рюкзак и оставила на парте листочек. Я посмотрела на учительницу, но она уселась за стол и уткнулась в журнал, полностью игнорируя меня. Хоть бы знак какой подала, что не шутит.

Я молча вышла из класса, и меня подхватили под руки двое полицейских.

– Алина, вы задержаны по подозрению в убийстве, – отчеканил один из полицейских, и я узнала в нем того самого, с беличьими глазами. Он сунул мне под нос удостоверение.

– Что такое? – спросила я. – Почему?

– Вы можете хранить молчание, Алина. Вот ордер на ваш арест, – сказал второй и показал мне бумажку. Как в фильмах!

Я дернулась, спросила:

– Вы не нашли преступника, да? Пустите – я сама пойду!

В школьных коридорах гуляло эхо от наших шагов, а я шла между двумя полицейскими и чувствовала себя хуже некуда. Я точно знала, что не виновата ни в чем, я только занесла Маше тетрадь, вот и все! Черт! Чтоб я еще раз занесла

кому-то забытую вещь!..

– Я убийца? – агрессивно спросила я, когда мы вышли на крыльцо.

– Вы подозреваетесь во втором убийстве, – поправил меня полицейский с беличьими глазами.

– Подождите, – я остановилась и заметила, как они оба потянулись к поясам. – Подождите... какое еще второе убийство? Почему я?

– Поговорим в участке. Пройдемте к машине.

Они вели себя иначе. В тот раз, когда они притащились к нам домой с утра пораньше, они вели себя более фамильярно, прекрасно выдерживая в тоне голосов нашу разницу в возрасте. Но теперь... они смотрели на меня совсем по-другому, не как на школьницу или девочку, а как на... убийцу? Боже, они и впрямь думали обо мне так!

Возле участка я увидела маму. Одетая в элегантный бежевый пиджак, она приплясывала на месте и нервно кусала бледные губы. Тушь размазалась под ее глазами и выглядела она так, словно вот-вот грохнется в обморок.

Это опять повторяется! Снова! Какое еще, к черту, второе убийство? Почему опять я?!

– Ох, Алина! – мама бросилась ко мне, но один из полицейских твердо отстранил ее.

– Напоминаем, что ваша дочь – главная подозреваемая.

Сердце так и ухнуло в пятки. *Главная* подозреваемая? Да уж, малины слаще не придумаешь!

– Моя дочь не такая, – прошептала мама.

Меня проводили в комнату для допросов, на этот раз и мама вошла, села в уголке. Полицейский с беличьими глазами, как и тогда, устроился напротив меня.

– Итак, Алина, – полицейский сложил ладони домиком. – Вы подозреваетесь в убийстве Григория Королева. Вы нанесли ему семь ножевых ударов. На месте преступления обнаружено ваше ДНК.

Григорий Королев? Погодите... это же Колобок.

– В настоящее время к вам домой выехали специалисты с разрешения, разумеется, ваших родителей. Будет проведен обыск.

Его тон резал, словно сухая бумага. И только теперь я осознала разницу между первым и вторым убийствами. Когда убили Машу, я думала, меня подозревают, но нет – тогда они еще не рассматривали меня в качестве виновной. Ко мне обращались на «ты» и всякий раз повторяли, что проверяют версию. Я не верила, а они именно это и делали. Никто всерьез не верил, что я убила. Но сейчас... сейчас все по-настоящему. Я подозреваемая. Без пяти минут убийца.

– Ваша мама уже вызвала адвоката, – продолжал полицейский. – Так что вы можете помолчать до его приезда. А можете мне помочь.

Меня пробил озноб. Что-то не так... Уже второй раз меня вызывают в участок по убийству. Что-то явно не так. Со мной? С миром вокруг меня?

– Я не убивала, – дрожащим голосом произнесла я. – Я не убивала его.

Да подними ты глаза! Чего уставилась на столешницу? Подними глаза на него, взгляни ему в лицо, скажи правду: я не убивала. Почему ты прячешься, словно преступница?

– Как вы объясните, что в руках у убитого обнаружены ваши волосы?

– Не знаю, – прошептала я.

– Ваше алиби с одиннадцати до часу ночи?

– Я спала.

– Кто может подтвердить его?

– Я могу, – подала голос из угла мама. – В двенадцатом часу я заходила к Алине. Она спала.

Голос у нее уверенный и четкий. Они ни слова не сказала о том, что лунатила в эту ночь и до смерти меня напугала.

– Вот как... хм, – полицейский помедлил, и я осмелилась поднять на него глаза. Над бровями у него пролегла морщина. – А кто-нибудь еще может подтвердить ваше местонахождение в этот временной отрезок?

Глаза, как у белки – цепкие и острые.

– Не знаю, – вздохнула я. – Наверное, нет.

Как назло, в это время я ни с кем не переписывалась, хотя порой могу до двенадцати ночи зависать в соцсетях. А вчера уже спала в половине одиннадцатого.

Я почувствовала, как меня начинает трясти. Я – главная подозреваемая в убийстве. В *убийстве*

– Я не убивала, – повторила я и услышала свой голос, как сквозь слой ваты. – Никого и никогда.

– Ваши отпечатки найдены на двери комнаты Григория, – продолжил полицейский. – Как вы попали в квартиру, не взломав дверь? Он вам открыл?

– Подождите... – я перевела дух и задала самый глупый вопрос, какой могла задать. – Вы уверены, что это мои отпечатки?

– Ну конечно, Алина, – полицейский посмотрел на меня, как на дурочку. – Мы все проверили.

Да как такое возможно? Отпечатки пальцев... и мои волосы... как такое возможно? Я не ходила к Колобку! Я даже не в курсе, где он живет!

– В каких отношениях вы были с Григорием?

– Да в никаких! – выдохнула я. – Мы почти не общались.

– Однако в последние дни он вас дразнил, – заметил полицейский. – Вы даже угрожали ему.

В памяти что-то шевельнулось. Они что, вот так мою невинную фразу «тебе жить надоело» перевернули?

– По заверениям его друзей, вы не очень-то ладили. А мы, проверив его телефон и ноутбук, сошлись во мнении, что Григорий был одержим вами. Точнее говоря, неприязню к вам.

– Но я не убивала его, – повторила я. Мне казалось, скажи я это миллион раз, и меня перестанут подозревать.

– Прошу вас, Алексей Иванович, – мама вышла из тени. –

Могу поручиться, что моя дочь никогда бы не совершила такого преступления. Кому, как не мне, знать это?

Голос ее едва заметно дрожал, в нем слышались слезы, но мама держалась молодцом. Я даже представить не могла, каково это – оказаться на ее месте, на месте женщины, чья дочь подозревается в двух убийствах.

– Пока что все факты указывают на противоположную ситуацию, – гнул свою линию полицейский по имени Алексей Иванович.

Что-то пиликнуло. Алексей Иванович взглянул на часы, извинился, как будто присутствовал на какой-то деловой встрече, и вышел. Мы с мамой остались одни, а я подумала, не уловка ли это.

– Мам, я не убивала, – повторила я снова. – Я... вы не так меня воспитали.

– Конечно, Алиночка, я знаю.

Знает... интересно, как долго она будет уверена в этом? А что, если...

Но не успела я додумать мысль, как «что если» воплотилось в реальность. Алексей Иванович вернулся в комнату допросов, а с ним – двое охранников. Дверь за ними захлопнулась, как крышка гроба.

На этот раз Алексей Иванович не стал садиться напротив – он встал рядом с моим стулом и навис надо мной, словно грозная туча.

– Алина, так это вы убили Григория Королева – да или

нет? – его голос потрескивал от напряжения.

Усилием воли я подняла голову. Беличьи глаза вцепились мне прямо в душу. Я нервно забарабанила пальцами по столешнице.

– Нет, – сказала я как можно тверже. Вот, смотрите мне в глаза, смотрите – я не виновата!

– Тогда объясните мне, – Алексей Иванович низко склонился надо мной. – Объясните, почему под вашей кроватью лежал окровавленный нож.

12 сентября. Ночь

Я не делала этого.

Я не помню...

Меня подставили?

Перерыв мою комнату сверху донизу, полицейские обнаружили под кроватью, в щели между стеной и полом, нож наподобие того, каким орудуют профессиональные повара. На его широком лезвии засохла кровь. Кровь Колобка. И простите – это совсем не смешно.

Еще они нашли частицы ДНК на моей куртке – чешуйки кожи тоже принадлежали Колобку. А в истории браузера моего ноутбука они откопали адрес Колобка, будто бы я искала, как до него быстрее добраться. В одиннадцать тринадцать ночи, когда я уже спала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.